

Чу Юй оскалился, обнажив белоснежные зубы:

— Верно, он упрям и не раскаивается. Сестричка, давай, бей его!

Сун Цзиньчэнь мгновенно зажал ему рот ладонью. Чу Юй извиваясь вырвался, как скользкая рыба, размахнулся и с силой ткнул в него кулаком, приняв угрожающую позу.

— Ладно, хватит! Девушка, положи трубку, — Сун Цзиньчэнь, чувствуя, как голова раскалывается от боли, сдался. Он взял Чу Юя за руку и сказал:

— Мы пара, он просто капризничает.

Администратор, глядя на Чу Юя, дрожала от страха. Оказывается, быть администратором в наше время — это настоящее испытание на прочность, приходится сталкиваться с такими монстрами. Знала бы она, что так будет, лучше бы послушалась родителей и училась усерднее.

Чу Юй, чувствуя себя не в своей тарелке, надулся и громко фыркнул в знак согласия. Затем он подскочил к стойке, схватил свои документы и ключ от номера и, взяв Сун Цзиньчэня за руку, гордо удалился.

Сун Цзиньчэнь мысленно вздохнул тысячу раз. Этот парень был настоящим испытанием. Наконец, разобравшись с этим недоразумением, они подошли к двери своего номера. Чу Юй, напевая, провёл картой и, словно ветер, влетел внутрь, захлопнув дверь с грохотом.

— Что ты делаешь? — Сун Цзиньчэнь, опомнившись, постучал в дверь. — Чу Юй, хватит дурачиться, открой!

Ответа не последовало. Он прижался к двери — в маленькой гостинице плохая звукоизоляция — и услышал, как Чу Юй бежит по комнате, хлопает дверью, а затем зазвучал шум воды: он пошёл в душ.

Примерно через двадцать минут вода перестала литься, дверь со свистом открылась, и быстрые шаги снова забегали туда-сюда.

Сун Цзиньчэнь постучал:

— Чу Юй?

Молчание.

— Дорогой, хватит дурачиться,пусти меня.

Из-за двери донесся отдалённый голос:

— А ты кто?

Ну всё, началось. Сун Цзиньчэнь вышел из себя, выкрикнув:

— Я твой отец!

— А я твоя мать! — не остался в долгу Чу Юй.

— Мелкий негодяй, не заходи слишком далеко! Быстро открывай, я умираю от усталости!

Дверь напротив открылась, и мужчина в халате высунул голову:

— Что за шум? Время-то какое! Не даёте спать! Думаете, гостиница ваша собственная?!

Сун Цзиньчэнь поспешил извиниться:

— Простите, сейчас всё закончится.

Он снова повернулся к своей двери:

— Дорогой, я виноват,пусти меня.

— В чём ты виноват?

— Во всём! — Сун Цзиньчэнь с досадой ударил кулаком в стену. — Ну? Я признал свою вину, открывай!

Дверь открылась. Сун Цзиньчэнь вошёл внутрь. Чу Юй, покачивая бёдрами и вытирая волосы, направлялся в ванную. Он даже не успел взять фен, как его схватили за талию и подняли на руки. Две голые ноги затрепыхались в воздухе, и его швырнули на кровать, пружины которой жалобно закрипели.

— Отстань! — Чу Юй отбивался ногами.

Сун Цзиньчэнь схватил его за щёки и поцеловал. Чу Юй мычал и кряхтел, их губы и языки сплелись, они вдоволь напились друг у друга слюны, а затем Чу Юй изо всех сил укусил Сун Цзиньчэня за губу.

— Ай! — Сун Цзиньчэнь отпрянул, словно его укусила собака, и выругался:

— Ты что, собака что ли?!

— Я конь! — Чу Юй не стал тратить время на разговоры, набросился на него с кулаками. Он бил без разбора, один удар пришёлся в лицо. Сун Цзиньчэнь лизнул зубы и тоже разозлился. Они схватились, катаясь по полу от кровати к окну.

Сосед начал яростно стучать в стену, крича, что они ненормальные.

— Тебе какое дело?! — Чу Юй, прижатый к полу, всё ещё громко огрызался. — Ещё раз постучишь — придёшь на разборки, понял?!

Сун Цзиньчэнь шлёпнул его по голой заднице.

— Сун Цзиньчэнь, я тебя... а-а-ай! — Чу Юй взвыл нечеловечески, когда его схватили за самое уязвимое место.

Сун Цзиньчэнь, сжимая его член, немногим больше, чем у собаки, начал ногтями царапать нежную головку. Чу Юй стонал и ругался одновременно, между его ног уже стало мокро и липко.

— Сдаёшься? Будешь ещё шалить? — Сун Цзиньчэнь обхватил его шею рукой, расстегнул ремень и вошёл в него. Чу Юй вынужденно встал на колени, его заполнили, раздвинули, десять пальцев впились в бока мужчины, оставляя семь-восемь кровавых царапин.

— Сдаюсь, блядь! — Чу Юй изо всех сил вырвался, сбросил Сун Цзиньчэня, и они снова начали драться. Сун Цзиньчэнь, используя преимущество в весе, всё же прижал его, снял пояс с плаща и связал ему руки.

Сун Цзиньчэнь в былые годы любил игры со связыванием, завязывал узлы с лёгкостью. Двойной узел затягивался тем сильнее, чем больше дёргались. Чу Юй кусал и бил, но не мог освободиться. Сун Цзиньчэнь поднял его связанные руки повыше и с гневом вошёл в него, каждый раз достигая самой глубины.

— Больно! Больно! — Чу Юй сжимался изо всех сил, слёзы катились градом. — Больно...

Сун Цзиньчэнь, у которого Чу Юй уже расшатал два зуба, не собирался смягчаться. Он поднял Чу Юя, бросил на кровать, перевернул и продолжил жёстко трахать. Чу Юй, кусая подушку, плакал. Когда всё закончилось, он тоже выплакался.

Развязав ему руки, Сун Цзиньчэнь поднял его, достал из кармана пиджака две сигареты, дал по одной и прикурил обе от одного огонька.

Оба были измотаны дракой и сексом, но никто не хотел первым пойти на мировую.

— Ты должен простить меня. Я уже стар, не могу так же, как ты, выдерживать такие испытания, — сказал Сун Цзиньчэнь.

Чу Юй молча слушал, лишь судорожно затягиваясь сигаретой.

— Чу Юй, ты знаешь, насколько велик этот мир?

Слёзы снова потекли по лицу Чу Юя. Он прошептал:

— Не хочу знать.

Сун Цзиньчэнь помолчал, словно ему было больно признать это, словно он пытался выплюнуть осколок лезвия:

— Ты знаешь, сколько людей ты ещё встретишь?

— Что ты хочешь сказать?! — Чу Юй резко схватил его за руку. Пепел от сигареты упал на его собственную кожу, оставив красный ожог, но он не заметил. — Я не знаю, и знать не хочу! Сколько бы их ни было, мне всё равно!

Сказав это, Чу Юй пожалел. Ему стало страшно, что это был знак отказа. Зачем он так себя вёл? Они были просто партнёрами по договорённости. Почему он зашёл так далеко? Из-за снисходительности Сун Цзиньчэня? Из-за его снисходительности он почувствовал, что расстояние между ними стало отрицательным, как во время секса.

Но это была пропасть.

— Я понял, — Чу Юй опустил голову, слёзы закапали на пол.

Сун Цзиньчэнь тоже понял. Мысли этого парня были глубоки, как океанская впадина, но ум был как отвесная скала — прямой и без изысков. Если не говорить ему самые простые и ясные слова, он мог понять всё вкривь и вкось.

— Помнишь, что я говорил? — Сун Цзиньчэнь поднял его лицо, медленно и чётко произнося каждое слово:

— Я сказал, что если хочешь остаться со мной, ты должен что-то отдать взамен.

— Помнишь, что это было?

В глазах Чу Юя дрожали осколки света, в голове была одна вода от слёз, хорошо ещё, что он помнил, как его зовут.

Сун Цзиньчэнь беспомощно вздохнул. Этот умный и ловкий парень в его присутствии превращался в дурака.

— Мне нужно твоё сердце. Я хочу, чтобы в нём был только я. Я хочу, чтобы твои красивые глаза видели только меня.

— Я хочу, чтобы ты жил со мной, ел, спал, разговаривал. Мне нравится, когда ты ревнуешь, когда капризничаешь. Я хочу, чтобы ты полностью доверялся мне.

— Я хочу, — он глубоко вдохнул, взял Чу Юя за лицо, прижав лоб к его лбу, — чтобы ты забыл о том ужасном начале.

— Если ты всё ещё беспокоишься, что я могу увлечься кем-то другим...

Сун Цзиньчэнь отпустил его, наклонился, что-то ища, затем взял его руку и прижал дымящийся, почти догоревший окурок к своему плечу. Тлеющий пепел прожёт тонкую ткань, на коже зашипело и пошёл белый дым:

— ...пусть это будет клеймо...

— Что ты делаешь! — Чу Юй с силой дёрнул руку, окурок отскочил от стены, высек две искры и исчез в темноте. — Что ты наделал! — В панике он сорвал с Сун Цзиньчэня рубашку. На плече уже вздулся неровный волдырь, кожа вокруг была обожжена и покраснела.

— Ты что, больной? Тебе не больно?.. — Слезы снова потекли по лицу Чу Юя. Ему захотелось ударить его, но не поднялась рука.

— Не больно.

Сун Цзиньчэнь положил ладонь ему на затылок и, не отрывая взгляда, смотрел на него. Взгляд был таким нежным, но сквозь нежность проступала странная, почти болезненная одержимость. Это было смертельно опасно.

— Смотри на меня. Смотри на меня, и мне не будет больно.

<http://bllate.org/book/15448/1370487>